

Давыдова Елена Андреевна

**Властные отношения в семейно-родственных коллективах
оленных чукчей
(по материалам XIX – первой половины XX в.).**

Специальность 07.00.07 —
этнография, этнология, антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2015

Диссертация выполнена в отделе этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера).

Научный руководитель:

Ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера), кандидат исторических наук **Лариса Романовна Павлинская**.

Официальные оппоненты:

Ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук **Анна Анатольевна Сирина**.

Научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, кандидат исторических наук **Андрей Петрович Самар**.

Ведущая организация:

Кафедра этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Защита состоится 18 января 2016 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и на сайте <http://www.kunstkamera.ru/>.

Автореферат разослан « » декабря 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук М. Е. Резван

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное диссертационное исследование посвящено анализу властных отношений в семейно-родственных коллективах оленных чукчей. Различные сферы социальной жизни оленеводов Чукотки, такие как хозяйственно-экономическая деятельность, культура питания, родство, шаманизм, ритуальные практики, отношения коренного населения с государством, рассматриваются в контексте феномена власти.

Актуальность темы исследования определяется состоянием как отечественной, так и зарубежной научной традиции изучения властных отношений. Несмотря на то, что работ по этнографии/антропологии власти было написано немало, изучению данного аспекта жизни народов Сибири уделялось достаточно скромное внимание. Предпринятое автором исследование показывает, что использование сибирского материала, в частности материалов по этнографии чукчей, внесет вклад в развитие таких тем как «первичная власть», «особенности властных отношений в традиционных/архаических обществах», «ранние формы лидерства», «политическое сопротивление», «взаимоотношение локальных сообществ с государственными институтами».

Актуальность выбранной темы обусловлена также тем, что ее изучение позволит лучше понять жизнь и устройство чукотских семейных коллективов в том виде, в котором они существовали до их стремительного перехода из «первобытности в социализм». В доиндустриальных обществах политическое гораздо мощнее вплетено в другие сферы социальной жизни людей, поэтому тема власти здесь не может быть раскрыта без обращения к таким сюжетам как хозяйственно-экономическая деятельность, родственные и семейные отношения, гендер, социальный возраст, обменные практики, ритуальная жизнь, традиционное мировоззрение людей, их контакты с государством и его представителями.

Степень разработанности исследуемой проблемы.

Изучение феномена власти имеет богатую традицию в социологии и философии.¹ В антропологии/этнографии тема власти также широко разработана. В силу того, что само появление данной дисциплины было связано с формированием и функционированием колониальной системы в XIX в., вопрос о политическом устройстве догосударственных обществ, населяющих территории колоний, занимал центральное место в работах антропологов/этнографов, начиная с момента становления этой науки. В конечном счете, это и привело к образованию в рамках социальной/культурной антропологии субдисциплины –

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999; Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001; Вульф К. К генезису социального: Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009; Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1922; Giddens E. *New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies*. Cambridge-Oxford, 1993.

политической антропологии. В Советском Союзе несколько позже появился ее аналог – потестарно-политическая этнография.²

Исследователи, обращаясь к различным культурам, анализировали основания власти и политические институты в традиционных обществах,³ процессы политогенеза,⁴ формы лидерства,⁵ феномены конфликта и насилия,⁶ эволюцию власти в условиях колониализма и постколониализма,⁷ отношения периферийных групп с государством.⁸ Власть нередко осмыслялась через обращение к другим классическим темам в антропологии/этнографии,

² Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

³ Кабо Р. В. Первобытная доземледельческая община. М., 1986; Гиренко Н. М. Социология племени: Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004; Мисюгин В. М. Три брата СПб., 2009; Evans-Pritchard E. E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1940; Fortes M. The dynamics of clanship among the Tallensi. London, 1945; Barth F. Political leadership among Swat Pathans. London, 1959; Sahlins M. Poor man, rich man, big man, chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative studies in society and history. 1963. Vol. 5. № 3. P. 285-303; Leach E. Political systems of highland Burma: A study of Kachin social organization. London, 1970.

⁴ Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV-XIX вв: очерки по истории и истории культуры. М., 1960; Тома-новская О. С. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале // Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М., 1973. С. 273-283; Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 85-290; Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М. 1999; Коротаев А. В. Социальная история Йемена, X в. до н. э. – XX в. н. э.: вождества и племена страны Хашид и Бакил. М., 2006; Березкин Ю. Е. Между общиной и государством: среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб., 2013; Крадин Н. Н. Пути становления и эволюции ранней государственности на Дальнем Востоке // Ранние формы потестарных систем. СПб, 2013. С. 65-86; Попов В. А. К феноменологии «общностей по джаму», или о факторах политической интеграции в доколониальной Западной Африке // Ранние формы потестарных систем. СПб, 2013. С. 87-97; Fortes M., Evans-Pritchard E. E. Introduction // African Political Systems. London, 1941. P. 1-23; White L. The evolution of culture: The development of civilization to the fall of Rome. New York, 1959; Steward J. Theory of culture change: The methodology of multilinear evolution. Urbana, Chicago, 1972; Service E. Origins of the state and civilization: The process of cultural evolution. New York, 1975; The early state Hague, 1978; D'Altroy T., Earle T. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inka Political Economy // Current Anthropology. 1985. Vol. 26. No. 2. P. 187-206.

⁵ Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987; Рахимов Р. Р. Концепция лидерства в культуре таджиков: Традиция и современность // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С. 138-188; Щепанская Т. Б. Странные лидеры: О некоторых традициях социального управления у русских // Этнические аспекты власти: Сборник статей. СПб., 1995. С. 211-240; Бутинов Н. А. Бигменство: традиционная власть в Меланезии // Потестарность: Генезис и эволюция. СПб., 1997. С. 126-138; Evans-Pritchard E. E. The Nuer...

⁶ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983; Антропология насилия. СПб., 2001; Казанков А. А. Агрессия в архаических обществах. М., 2002; Political anthropology. Chicago, 1966; Gluckman M. Order and rebellion in Tribal Africa. London, New York, 2004.

⁷ Ольдерогге Д. А. Население и социальный строй Эфиопии (Абиссинии) // СЭ. 1936. № 2. С. 10-39; Зотова Ю. Н. Система косвенного управления в Нигерии на службе империализма // СЭ. 1962. № 5. С. 69-81; Кабо В. Р. Современное положение аборигенов Австралии // СЭ. 1962. № 5. С. 57-68; Следзевский И. В. Хаусанские эмираты северной Нигерии: хозяйство и общественно-политический строй. М., 1974; Балезин А. С. Африканские правители и вожди в Уганде (эволюция традиционных властей в условиях колониализма). М., 1986; Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление: Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств тропической Африки. М., 1992; Fallers L. Bantu bureaucracy. A study of integration and conflict in the political institutions of an East African people. Cambridge, 1956; Friedman K. E. Catastrophe and creation: The formation of an African culture. London, 1991.

⁸ Скотт Дж. Благими намерениями государства: Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005; Cohen A. Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns. London, 1969; Greenhouse C. Hegemony and hidden transcripts: The discursive arts of neoliberal legitimation // American Anthropologist. 2005. Vol. 107. Issue 3. P. 356-368; Clastres P. Society against the state: Essays in political anthropology. New York, 2007; Scott J. The art of not being governed: An anarchist history of Upland Southeast Asia. New Haven-London, 2009.

таким как отношения собственности, родство, гендер, обменные практики, ритуал, мировоззрение.⁹

Следует выделить существующие направления и тенденции в исследованиях власти в рамках этнографии Сибири и Севера (прежде всего, Северо-Восточной Сибири). В 1920-30-е гг. был написан ряд работ, посвященных классовому расслоению и неравенству среди коренного населения Сибири, в том числе чукчей и коряков.¹⁰ Власть, как часть взаимоотношений коренного населения с государством и его представителями, анализировалась И. С. Вдовиным, А. А. Знаменским, А. С. Зуевым, Н. И. Новиковой, Ю. Слезкиным, Н. В. Ссориным-Чайковым.¹¹

Среди североведческих работ необходимо отметить исследование Ж. Бриггс, посвященное эмоциональной сфере жизни одной эскимосской семьи.¹² Исследовательница, в частности, показала эмоциональные аспекты властных отношений. Небольшие эскимосские семейно-родственные коллективы предстают в ее работе не как «царство» эгалитаризма, а как социальная среда, в которой непрерывно разворачиваются отношения доминирования и подчинения, отстаивание лидерства, остракические действия.

В исследованиях по Северо-Восточной Сибири вопрос о властных отношениях поднимался в связи с обсуждением специфики социальной организации коренных народов данного региона, прежде всего, проблемы рода у палеоазиатов.¹³ У чукчей и других народов Северо-Восточной Сибири отсутствовали унилинейные десцентные группы (или родовая организация, как писали в отечественной этнографии). В литературе этому давались разные оценки: одни этнографы считали чукчей дородовым обществом, другие искали пережитки уже разложившейся родовой структуры.

⁹ Тэрнер В. Символ и ритуал...; Годелье М. Загадка дара. М., 2007; Barth F. Political leadership...; Evans-Pritchard E. E. The position of women in primitive societies and in our own // The position of women in primitive societies: Other Essays in Social anthropology. New York, 1965. P. 37-58; Leach E. Political systems...; Weiner A. B. Women of value, men of renown: new perspectives in Trobriand exchange. Austin, 1976; Ingold T. Totemism, animism and the depiction of animals // The Perception of environment: Essays on livelihood, dwelling and skill. London-New York, 2002. P. 111-131; Gluckman M. Order and rebellion...

¹⁰ Богораз В. Г. Классовое расслоение у чукоч-оленевонов: с 5 рисунками в тексте // СЭ. 1931. № 1-2. С. 93-116; Билибин Н. Классовое неравенство кочевых коряков. Владивосток, 1933.

¹¹ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л., 1965. С. 102-152; Зуев А. С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: Военно-политический аспект. Вторая половина XVII-XVIII век. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Томск, 2005; Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008; Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М., 2014; Znamenski A. Vague Sense of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's Status in Nineteenth Century in Northeastern Siberia // Arctic Anthropology. 1999. Vol. 36. № 1-2. P. 19-36; Ssorin-Chaikov N. V. The social life of the state in Subarctic Siberia. Stanford, California, 2003.

¹² Briggs J. Never in anger: Portrait of an Eskimo family. Cambridge, Massachusetts, London, 1976.

¹³ Богораз В. Г. Чукчи. Авторизованный пер. с английского. Ч. 1. Л., 1934; Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей // СЭ. 1948. № 3. С. 56-70; Симченко Ю. Б. Особенности социальной организации палеоазиатов крайнего Северо-Востока Сибири: коряки, чукчи, ительмены, эскимосы // Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – нач. XX вв. М., 1970. С. 313-331.

Чукчи известны своим воинственным прошлым. Войны, пик которых пришелся на XVII – начало XVIII в., требовали наличия таких лидеров, как военные предводители, а также способствовали формированию категории зависимых людей, которая пополнялась за счет пленников. Таким образом, военное дело чукчей связано с социальной иерархией в обществе, что нашло отражения в работах В. В. Антроповой и А. К. Нефедкина.¹⁴

Исследования верований и шаманизма также переключаются с вопросом о властных отношениях. О шаманах, как лидерах коллектива у чукчей, писали И. С. Вдовин, Л. Н. Хаховская, Т. И. Щербакова.¹⁵ В связи с дискуссией о концепциях анимизма и тотемизма Р. Виллерслев и О. Ультургашева затронули тему власти. Они, опираясь на материалы своих полевых наблюдений среди чукчей и эвенов, критиковали взгляды Т. Ингольда, согласно которым тотемизм связан с жесткой социальной иерархией, а анимизм с эгалитаризмом.¹⁶ В своей статье они продемонстрировали отсутствие данной дихотомии в ткани жизни людей.

Среди современных исследований Чукотки следует упомянуть работы В. Вате. Круг ее научных интересов связан с изучением родства, гендерных ролей и отношений, ритуальных практик и протестантского движения на Чукотке. Непосредственно тему власти она не рассматривала, но затрагивала вопросы социального положения и ритуального поведения разных членов семьи в яранге и стойбище.¹⁷

В ряде работ современных этнографов-сибиреведов вопросы, касающиеся властных отношений в рамках локального сообщества, помещены в центр внимания. Например, Е. Г. Федорова писала о лидерстве в традиционном мансийском обществе и тамгах северных манси, как элементах властной символики.¹⁸ В. Н. Давыдов рассматривает власть каюров

¹⁴ Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // ТИЭ. Сибирский этнографический сборник. Т. XXXV. Вып. II. М.-Л., 1957. С. 99-245; Нефедкин А. К. Военное дело чукчей: середина XVII – начало XX в. СПб., 2003.

¹⁵ Вдовин И. С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири: по материалам второй половины XIX – начала XX в. Л., 1981. С. 178-217; Хаховская Л. Н. Шаманы и советская власть на Чукотке // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 113-128; Щербакова Т. И. Последние шаманы Чукотки: лидерство как долг // Лидерство в архаике: Условия и формы проявления. СПб., 2011. С. 171-182.

¹⁶ Willerslev R., Ulturgasheva O. Revisiting the animism versus debate: Fabricating persons among the Eveny and Chukchi of North-eastern Siberia // Animism in rainforest and tundra: Personhood, animals, plants and things in contemporary Amazonia and Siberia. New York-Oxford, 2012. P. 48-68.

¹⁷ Vaté V. Redefining Chukchi Practices in Contexts of Conversion to Pentecostalism // Christian Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and the Technologies of Faith. New York, Oxford, 2009. P. 39-57; Vaté V. Dwelling in the landscape among the reindeer herding Chukchis of Chukotka // Landscape and culture in Northern Eurasia. Walnut Creek, California, 2011. P. 135-159; Vaté V., Beyries S. Une ethnographie du feu chez les éleveurs de rennes du Nord-Est sibérien // Les civilisations du renne d'hier et d'aujourd'hui. Approches ethnohistoriques, archéologiques et anthropologiques, XXVIIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2007. P. 393-419.

¹⁸ Федорова Е. Г. Тамги северных манси (по материалам второй половины 1970-х – начала 1990-х гг.) // Символы и атрибуты власти: Генезис. Семантика. Функции. СПб., 1996. С. 301-311; Федорова Е. Г. Лидеры в традиционном мансийском обществе // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.). СПб., 2014. С. 214-247.

у эвенков, которые, по утверждению автора, «были не просто хорошими проводниками по пути из одного места в другое и прекрасными знатоками территории, но также служили медиаторами в отношениях между местным населением, с одной стороны, и промышленниками, а также представителями государства – с другой».¹⁹

Объектом исследования являются властные отношения в традиционных семейно-родственных коллективах чукчей-оленеводов.

Предметом исследования являются способы приобретения и сохранения власти, процессы ее утраты и аккумуляирования, практики, влияющие на уровень достигаемой человеком власти.

Целью диссертационного исследования является определение возможных способов приобретения и/или удержания власти человеком в чукотском обществе. Другими словами, автор пытается ответить на вопрос: как человек своими действиями и решениями мог существенно влиять на свой социальный статус и властный ресурс, находящийся в его распоряжении.

Для выполнения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. Определение проявлений отношений доминирования-подчинения в повседневной жизни оленных чукчей: в хозяйственно-экономической деятельности, системе питания, досуге, отношениях обмена, пространственном и телесном поведении чукчей, конфликтах, насилии.

2. Рассмотрение хозяйственно-экономической деятельности в качестве фактора, определяющего властный ресурс человека.

3. Анализ феномена родства у чукчей, но не как системы терминов и даже отношений, а как ресурса или «социального и символического капиталов» человека.

4. Выявление связи между миметическими практиками, шаманскими техниками, ритуальным знанием и уровнем приобретенной власти.

5. Анализ влияния, которое оказывалось взаимодействием с государством, его институтами и представителями, на властные отношения в традиционных чукотских семейно-родственных коллективах.

Источниками данного диссертационного исследования стали, во-первых, многочисленные работы путешественников, исследователей, чиновников, миссионеров конца XVIII – первой половины XX вв. Они неоднократно привлекались учеными для анализа различных проблем истории и этнографии Чукотки, а их описание и даже источниковедческий

¹⁹ Давыдов В. Н. Власть проводника: Каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб, 2013. С. 267-280.

анализ неоднократно приводились в литературе.²⁰ Это работы Ф. М. Августиновича, А. А. Аргентова, К. И. Богдановича, В. М. Вонлярлярского, Ф. П. Врангеля, Н. Галкина, Н. Л. Гондатти, Б. Горовского, Г. Дьячкова, Н. Ф. Каллиникова, А. Ф. Кибера, Н. К. Колина, Ф. П. Литке, Г. Л. Майделя, Ф. Ф. Матюшкина, А. Е. Норденшельда, А. В. Олсуфьева, А. А. Ресина, Н. В. Слюнина, Н. П. Сокольникова, Г. У. Свердрупа, Л. М. Старокадомского, П. Ф. Унтербергера, участников Северо-Восточной географической экспедиции под руководством И. И. Биллингса.

Научные работы отечественных и зарубежных этнографов также вошли в источниковедческую базу данной диссертации (работы Е. П. Батяновой, В. Г. Богораза, И. С. Вдовина, Н. Н. Дикова, А. В. Головнева, С. В. Иванова, В. И. Иохельсона, Ю. А. Крейнвича, В. Г. Кузнецовой, И. П. Лаврова, В. В. Леонтьева, А. М. Миндалевича, Е. А. Михайловой, М. А. Сергеева, С. Н. Стебницкого, Л. Н. Хаховской, Ю. В. Чеснокова, С. Ямин-Пастернак, В. Ватэ, П. Грэй).

Также привлекались материалы по чукотскому фольклору. Кроме того, в качестве дополнительного источника использовались произведения художественной литературы, а именно произведения Ю. Рытхэу и В. В. Леонтьева. Оба автора выросли на Чукотке и не понаслышке были знакомы с особенностями чукотской культуры. Персонажи и ситуации, описываемые в их рассказах, романах, повестях, порой очень тонко передают существовавшие у чукчей обычаи, поэтому могут использоваться в качестве примеров к описанию различных феноменов культуры.

Наконец, источниками для анализа выделенного объекта исследования стали архивные материалы, хранящиеся в АМАЭ РАН и СПбФ АРАН. При этом ключевым источником следует считать полевые дневники В. Г. Кузнецовой (74 тетради), проводившей полевую работу в Амгуэмской тундре (Чукотка) с 1948 по 1951 год.

Методология исследования. Методологическая база исследования носит комплексный характер и основывается на системном подходе, а также принципах историзма. Как отметил М. С. Каган, не только не стоит противопоставлять системный подход историческому, а напротив, существует «необходимость включения первым второго как одного из имманентных своих аспектов, наряду со структурным и функциональным анализом».²¹ Системный подход к изучению властных отношений в традиционной культуре чукчей, во-первых, оправдывает выделение феномена власти в качестве самостоятельного объекта

²⁰ Вдовин И. С. Краткий обзор источников // История и культура чукчей: Историко-Этнографические очерки. Л., 1987. С. 9-30; Тураев В. А. Чукчи: Общие сведения // Народы Северо-Востока Сибири: Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Керекы. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры. М., 2010. С. 507-509.

²¹ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. Л., 1991. С. 18.

исследования. Как писал А. В. Головнев, «изнутри у культуры нет границ, извне – есть».²² То есть исследователь обладает некоторой свободой, обращаясь к данной методологической установке и определяя «извне» свое «пространство» в анализе «говорящих культур».²³ В данной работе это пространство власти в культуре чукчей и ее проявления в социальной жизни людей в виде властных отношений, «которые... могут быть поняты как процессы властвования и подчинения».²⁴ Во-вторых, данный подход позволяет рассмотреть власть и ее социальные контексты в их взаимосвязи, с учетом их структур, функций и историй.²⁵ Исторический принцип предполагает изучение социальных контекстов власти с учетом их конкретно-исторической обусловленности.

Методы диссертационного исследования.

Перечислю основные методы сбора и анализа материала, применявшиеся в ходе написания данной работы. Тема исследования предусматривает рассмотрение властных отношений у чукчей в прошлом, в исторический период, охватывающий полтора столетия. Это обусловило работу, как с архивными материалами, так и широкое использование литературы исторического и этнографического характера.

Следует подчеркнуть важность работы с архивными материалами. Именно информация, полученная во время работы с архивными документами, помогла автору сформулировать проблему и цель диссертационного исследования. Более того, специфика архивного материала, легшего в основу данной работы, повлияла на выбор основных методов аналитического уровня.

Во-первых, таковым стал микроисторический подход. Он предполагает уменьшение масштаба наблюдений до уровня личных взаимодействий или частных жизненных историй. Данный прием позволяет увидеть нюансы социальной жизни людей на микроуровне. Это «делается не с целью поиска симпатичных “лиц”, чтобы проиллюстрировать оказываемое на них воздействие исторических процессов, а чтобы углубить наше понимание самих этих процессов».²⁶

Вторым методом аналитического уровня является биографический анализ. Он позволяет через изучение биографий и жизненных историй отдельных личностей выйти на более широкие проблемы, в частности, понимание особенностей властных отношений в конкретном обществе в определенный исторический период.

²² Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 16.

²³ Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб., 2003. С. 5.

²⁴ Бочаров В. В. Власть... С. 24.

²⁵ Каган М. С. Системный подход... С. 19.

²⁶ Putnam L. To study the fragments/whole: Microhistory and the Atlantic world // Journal of social history. 2006. Vol. 39. No. 3. P. 615.

При биографическом подходе в центре внимания оказывается не столько культура, сколько сами люди – представители этой культуры. Если культура скорее ассоциируется со структурой, то анализ решений и действий, принимаемых человеком, – с теорией действия. Ее следует считать третьим методом анализа в данной работе. При этом теория действия используется с позиций П. Бурдьё и Э. Гидденса: исследователи не отрицали наличие структур, но стремились примирить их с акторным подходом. С одной стороны, признается и учитывается важность социально-культурной ситуации – структуры. С другой, последняя является фоном, условием, ограничителем и возможностью социального действия, которое, в свою очередь, может больше сказать о культуре, чем она о себе сама.

Таким образом, применение теории действия не мешает периодическому обращению к четвертому аналитическому методу данного диссертационного исследования – структурно-функциональному анализу, позволяющему понять функциональное назначение отдельных элементов системы.

Научная новизна диссертационного исследования может быть рассмотрена в двух плоскостях: региональной и методологической. Как было показано в ходе обзора литературы, властные отношения в традиционной политической культуре неоднократно становились предметом исследования. Однако, во-первых, данный аспект социальной жизни людей не рассматривался применительно к коренным народам Чукотки, и даже в рамках этнографии Сибири и Севера редко становился исследовательской темой. Во-вторых, примеры изучения власти через тщательный анализ полевых дневников этнографа, поведение личности, с применением микроисторического и биографического методов, а также теории действия, не проводились.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отношения доминирования-подчинения в чукотских семейно-родственных коллективах были рельефно выражены. Конкретные их проявления заключались в том, что одни акторы влияли на агентивность (agency) других, структурировали их действия. Однако данная асимметрия, связанная с такими параметрами, как социальный возраст, гендер, родство, не была ими жестко детерминирована. Напротив, властные отношения были пластичны. В чукотском обществе, в значительной степени ориентированном на индивидуальные достижения, человек действиями и решениями мог существенно влиять на свой социальный статус и властный ресурс.

2. Пластичность властных отношений проявлялась, в различных сферах и явлениях социальной жизни людей: хозяйственно-экономической деятельности, досуге, питании, телесном и пространственном поведении, этикете, конфликтах и насилии.

3. Навыки в хозяйственно-экономической сфере, и связанное с ними экономическое благополучие, являлись одним из ресурсов власти. Успешное овладение ими позволяло человеку повысить свой статус в коллективе. Следовательно, умения были одним из факторов, обеспечивающих пластичность власти.

4. Пластичность властных отношений была связана с процессом выстраивания человеком родственных отношений, которые также отличались гибкостью. Родство у чукчей не являлось данностью, получаемой человеком по рождению, а скорее предоставляло возможность личного выбора индивида. Поэтому правильно проводимая актором «политика» родства была еще одним способом приобретения властного ресурса.

5. Ритуальное знание способствовало повышению престижа индивида в обществе. Соответственно, приобретая его, человек наращивал свой властный ресурс. Приобщение к ритуальному знанию осуществлялось с помощью мимезиса. При этом, чем больше в подражательных действиях было творческой и телесной составляющих, тем глубже и мощнее являлось приобретаемое ритуальное знание, следовательно, тем значительнее был приобретаемый властный ресурс.

6. Взаимодействие с государством являлось одним из контекстов повседневной жизни людей. Оно также нередко становилось ресурсом власти, позволяющим отдельным людям повысить свой статус в рамках локального сообщества. Вступая в диалог с государством, чукчи стремились сохранить свободу своего действия и приобрести ресурс власти.

Практическая значимость исследования. Материалы и основные положения данного диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов и семинаров по социальной (культурной) антропологии, а в особенности, политической антропологии. Отдельные части работы можно включить в состав методических и учебных пособий указанных дисциплин.

Помимо этого, работа имеет социальную значимость, так как содержит уникальную информацию, представляющую интерес для местных локальных сообществ. Репатриация архивного наследия, использовавшегося при написании данной работы, в форме выставок, изданий каталогов, интернет проектов будет полезна и интересна для современного населения Чукотки, поскольку содержит материалы по генеалогиям, биографические данные, фотографии чукчей второй четверти XX в.

Апробация работы. Диссертация выполнена при поддержке РНФ, проекта № 14-18-02785. Собранный материал, легший в основу данного диссертационного исследования, и сделанные на основе его анализа выводы, были представлены в ряде докладов автора на следующих научных конференциях: Радловские чтения 2012 г.; IX Сибирские чтения:

Грани социального; Этнокультурные традиции в прошлом и настоящем; Человек в меняющемся мире: Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности; Азия и Африка в меняющемся мире.

Кроме того, основные положения данной диссертации легли в основу двух докладов, представленных на семинарах, проводившихся в рамках программы научного обмена между Национальным центром научных исследований Франции и Российской академией наук «Локальное знание и современные реинтерпретации в Сибири: российская и французская перспективы». Материалы докладов представлены в 11 публикациях, в том числе 3 в журналах из списка ВАК.

Содержащиеся в работе материалы и сделанные выводы использовались автором при подготовке лекционных курсов и планов семинарских занятий по следующим дисциплинам: социальная антропология, культурная антропология и политическая антропология. Данные курсы были подготовлены и читались в Санкт-Петербургском Университете культуры и искусств в 2013-2014 гг.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка используемых источников и литературы, а также приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** дается общая характеристика работы, обосновываются ее актуальность, новизна и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяется предмет и объект, описываются методология, методы и апробация результатов, дается характеристика источниковой базы, формулируются основные положения исследования, а также приводится историография исследуемой проблемы.

В **Главе I «Властные отношения в повседневной жизни оленных чукчей»** рассматриваются проявления отношений доминирования-подчинения в различных сферах социальной жизни людей. Анализ процессов властвования/подчинения осуществляется на микроуровне: на примере повседневного взаимодействия жителей конкретного стойбища и их соседей. Речь идет о семье, в которой большую часть своей экспедиции проживала этнограф В. Г. Кузнецова, – семье Тымнэнэнтына, кочевавшей в бассейне реки Амгуэмы. Аргументация, таким образом, строится на основе анализа полевых дневников В. Г. Кузнецовой. При этом привлекается информация и из других источников, в частности, классических этнографических описаний чукчей XIX-XX вв. Она позволяет сопоставить локальные данные по конкретной семейной группе с примерами из других коллективов, регионов и временных периодов.

В § 1.1 «Стойбище Тымнэнэтына» дается общая характеристика данной семейной группы и ее окружения. Описываются возраст, родственные отношения, социальный статус, биографические данные людей. Отмечается их распределение по ярангам и стойбищам. Упомянуты хозяйственные характеристики семейной группы Тымнэнэтына, такие как размер поголовья стада, отношения собственности, вовлеченность в коллективизацию. Данный обзор позволяет обращаться к дневникам В. Г. Кузнецовой в последующих параграфах и главах, не останавливаясь на общих характеристиках участников анализируемых историй.

В § 1.2 «Власть в контексте хозяйственно-экономической деятельности оленных чукчей» рассматриваются проявления отношений власти в хозяйственно-экономической сфере. В этой связи в § 1.2.1 «Сезонные вариации оленных чукчей» представляется описание годового хозяйственного цикла Амгуэмских чукчей. Данная характеристика позволяет не только ввести читателя в контекст хозяйственной жизни оленеводов, но и сделать вывод, что сезонные условия определяли многое в жизни людей: и их местонахождение, и специфику хозяйственной деятельности, и даже состав и размеры стойбища, что в свою очередь неизбежно накладывало отпечаток на отношения между людьми. При этом характер деятельности, в которой принимал участие человек, а также степень погруженности в нее, варьировали, в зависимости от его статуса в коллективе.

В § 1.2.2 «Хозяйственная деятельность: глава стойбища и его домочадцы» подробно рассматривается распределение хозяйственных работ между членами стойбища. Анализ хозяйственной деятельности жителей стойбища Тымнэнэтына показывает, что в ходе нее одни люди влияли на агентивность других. В семье Тымнэнэтына в большинстве случаев именно хозяин обладал властью определять действия своих домочадцев. Однако примеры других семейных коллективов демонстрируют, что статус главы семьи не был достаточным условием. Уважение и авторитет, как в семье, так и среди оленеводов соседних стойбищ, необходимо было заслужить. Существенным критерием был успех в хозяйственной деятельности. Совершая действия, направленные на процветание стада, хозяин осуществлял, как «стратегии экономических инвестиций», так и «стратегии символического инвестирования».²⁷ Его престиж увеличивался, с одной стороны, за счет роста «экономического капитала», с другой, признания окружающими его личных харизматических качеств.

²⁷ Бурдые П. Стратегии воспроизводства и способы господства // Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 103-104.

В § 1.2.3 «**Пространственный символизм власти**» рассматривается, как «социальное деление», в данном случае властная асимметрия, «оказывается объективированным в физическом пространстве», то есть в размещении людей в яранге.²⁸

В § 1.2.4 «**Властные отношения в телесном опыте людей**» анализируется телесность властных отношений. Примеры из повседневной жизни оленных чукчей, а также личный опыт В. Г. Кузнецовой, демонстрируют, что фактически социальная иерархия формировала иерархию «тел» у чукчей: отношение к телам разных людей было не одинаковым.

Кроме того, данные, представленные в § 1.2.3 и § 1.2.4 подтверждают тезис о структурировании одними людьми действий других жителей в повседневном взаимодействии.

В § 1.2.5 «**Сопротивление доминированию и физическое насилие**» развивается тема телесности и анализируются стратегии сопротивления властному доминированию. Противодействие власти могло осуществляться как мирным, так и конфликтным путем, в том числе с применением физической силы. Анализ насильственных действий позволил сделать три вывода: 1. Наказания были санкционированы не институтами или учреждениями, а осуществлялись лично – конкретным человеком. 2. Распределение власти, в большинстве случаев, было признано всеми участниками рассмотренных интеракций. 3. Ни один актер не обладал абсолютной властью. Напротив, она всегда была относительной и ситуативной.

Последний вопрос подробно рассматривается в § 1.2.6 «**Границы влияния и ситуативность власти**». Анализ влиятельности людей в разных ситуациях позволяет заключить, что власть в чукотских стойбищах не была привязана к субъекту. Доминирование/подчинение являлось неотъемлемой частью интеракции и всегда зависело непосредственно от контекста конкретного взаимодействия. Таким образом, властные отношения были пластичны. В то же время распределение властного ресурса между индивидами не было произвольно. В каждом стойбище в определенные периоды были свои тенденции в расстановке сил. Они зависели от накопленного актерами «капитала» различных видов и специфики конкретной ситуации.

В § 1.2.7 «**Умения (навыки) как властный ресурс**» показано, что власть не только реализовывалась в хозяйственно-экономической деятельности чукчей, но и частично аккумулировалась индивидами через нее. Делается вывод о том, что мастерство в различных сферах хозяйственной деятельности становилось ресурсом власти для человека. Демонстрируя его в рамках локального сообщества, актер повышал свой престиж.

²⁸ Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 51.

В § 1.3 «Власть в контексте культуры питания оленных чукчей» исследуется, как властные отношения влияли на процесс потребления пищи людьми. В этой связи в § 1.3.1. первой главы «Антропология питания и власти» дается краткий обзор литературы по данной теме.

В § 1.3.2 «Чукотские блюда, модели потребления и власть» анализируются различия в питании людей с учетом их властного ресурса. Делается вывод, что ресурс власти, которым обладал индивид, непосредственно влиял на то, какую пищу он потребляет. Более того, человек, обладающий властью, структурировал действия подчиненных ему людей в сфере питания.

Властные отношения накладывали отпечаток не только на то, что человек ест и в каком количестве, но и на то как он это делает – то есть на этикет питания. Анализу данного вопроса посвящен § 1.3.3 «Подача пищи, этикет питания, чаепития».

В § 1.3.4 «Сопrotивление доминированию в культуре питания» рассматриваются стратегии сопротивления доминированию в практиках потребления в чукотских семейно-родственных коллективах. Как правило, все жители стойбища признавали существующее распределение власти. Но, как было показано на примере хозяйственной деятельности, могли происходить и столкновения интересов или недопонимания, что вело к конфликтам.

В целом, рассмотрение культуры питания в контексте феномена власти подтверждает вывод, сделанный в разделе 1.2, о ситуативности и пластичности властных отношений у чукчей. Процессы властвования определялись конкретной ситуацией. При этом динамика социальных позиций рельефно отражалась в культуре питания. Еда была чутким «барометром» распределения власти в стойбищах оленных чукчей.

В Главе II «Политика родства» рассматривается одна из стратегий наращивания человеком своего авторитета – выстраивание родственных отношений. В § 2.1 второй главы «Предпосылки или основания родственности» анализируются способы создания и поддержания родственных отношений.

Родство, понимаемое как «взаимность бытия»,²⁹ основывалось на целом комплексе представлений и повседневных практик людей. Во-первых, сами знания о родственных связях использовались людьми для установления или укрепления родственности. Во-вторых, реальные повседневные действия (хозяйственно-экономические, обменные, ритуальные), ориентированные на сопresутствие людей в жизнях друг друга, создавали и поддерживали родственные отношения. Территориальная близость, тем более, проживание

²⁹ Sahlins M. What Kinship is-and is Not. Chicago, 2013.

людей в одной яранге, благоприятствовали и даже предопределяли осуществление данных практик.

Таким образом, в данном разделе показывается, что родство не являлось данностью, получаемой человеком по рождению, а формировалось при непосредственном участии индивида. У чукчей каждый человек участвовал в формировании реального состава своих родственников.

Кроме того, делается вывод о том, что родство – не жесткая социальная норма, однозначно и окончательно определяющая как должно происходить взаимодействие между людьми, и как они должны действовать. Напротив, родство – пластично. Сама степень эмоционального переживания родственности значительно варьировала в разных отдельных случаях родственных отношений. Порой люди на протяжении какого-то времени могли находиться как бы между «родством» и «не родством», балансируя между первым и вторым, выбирая путь либо к наращиванию близости, либо к увеличению чуждости.

Сконструированность и пластичность родства можно отчетливо увидеть на примерах фиктивного родства, существовавшего у чукчей. В этой связи в § 2.2 «**Фиктивное родство: “товарищество по жене”**» рассматривается одна из его форм – традиция обмена женами. Для подробного анализа был выбран именно данный вид искусственного родства по двум причинам. Во-первых, в силу своей экзотичности этот обычай был хорошо описан путешественниками, этнографами, миссионерами, по сравнению с другими формами фиктивного родства, в частности, усыновления. Поэтому современному исследователю легче понять алгоритм создания родственности у чукчей именно на примере обмена женами. Во-вторых, данная форма родства – «родства по жене» – интересна тем, что не привязана ни к месту проживания людей, ни к их генеалогии и связям по свойству.

В силу того, что в отечественной научной традиции «мены жен» было принято рассматривать как форму группового брака, в § 2.2.1 «**“Товарищество по жене”: критика теории группового брака**» доказывалась несостоятельность такого подхода.

В § 2.2.2 «**“Товарищество по жене” – родство по жене**» показывается, что традиция обмена женами являлась одной из форм фиктивного родства. С этой целью анализируются конкретные проявления родственности «товарищей по жене». Кроме того, отмечается, что заключение такого союза между семьями могло использоваться людьми для лучшего устройства своей жизни.

В § 2.3 «**Родственный капитал**» развивается идея об инструментальном и прагматическом использовании людьми их родственных связей. Другими словами, анализируется, как родство и обращение к нему использовались людьми для реализации их жизненных планов, отстаивания своих интересов, приобретения/наращивания власти.

Для анализа родства в контексте властных отношений видится перспективным введение термина «родственный капитал» как части социального капитала. Качество родственного капитала человека зависело не только от того, сколько у него было родственников, но также от того, кем они являлись, каков был их авторитет, а также от специфики взаимоотношений актора с ними. Конкретные примеры из жизни оленных чукчей свидетельствуют о том, что люди не просто стремились расширить круг родственных связей, но и сформировать их наиболее оптимальным, выгодным для себя образом. Причем возможность выбора существовала фактически у каждого человека: как у хозяев стойбищ, так и у наиболее бесправных членов общества. Возможность такого выбора обеспечивалась пластичностью родства, раскрытой в § 2.1 и § 2.2.

В Главе III «Ритуальное знание и власть» исследуется роль ритуального знания в процессах приобретения власти. Ритуальное знание, понимаемое как не рефлексивное, практическое, телесное знание, рассматривается в качестве символического капитала.

Специфическими ритуальными знаниями обладали шаманы. Это выделяло их среди других членов общества и обеспечивало их влияние, причем не только в ритуальной сфере. Существовала особая категория шаманов, сила, могущество и влияние которых, были неоспоримы и несравнимы с другими представителями этого призвания. Речь идет о шаманах превращенного пола. В рамках § 3.1 «Шаманизм и “превращение пола”» определяются основания их влияния и ее проявления.

Изучение данной традиции позволило сделать следующие выводы. Во-первых, превращение представляло собой миметический процесс, длившийся всю жизнь. Оно не всегда приводило к приобретению статуса шамана, а его интенсивность могла быть различной. При этом степень «превращения» напрямую влияла на приобретаемый ресурс власти: чем «истиннее» было изменение пола, тем больше был авторитет «превращенного». Во-вторых, качество «превращения» возрастало с ростом вовлеченности тела в этот процесс. В-третьих, «успех» приобретения свойств другого пола зависел от того, насколько «превращенный» включал в процесс уподобления творческую составляющую. Чем меньше было слепого копирования образца, и больше субъективного переживания опыта «другого», тем интенсивнее происходило уподобление.

Чукотское шаманство принято называть «семейным» в этнографической литературе. Его особенность состояла в том, что не только шаманы, но все люди, могли исполнять шаманские действия. В этой связи предметом изучения стали шаманские, и шире, ритуальные практики, исполняемые обычными людьми. Данному сюжету посвящен § 3.2 «Шаманствующие лица и ритуальная жизнь семьи». В нем подтверждается вывод о миметическом характере приобретения ритуального знания. Описания действий шаманст-

вующих лиц свидетельствуют, что они подражали большим шаманам. Обычные люди, через копирование жестов, движений, мимики, голоса шамана, приближались к его эмоциональному состоянию, которое в литературе называют экстазом или вдохновением.

Характерные черты миметических актов – творческое переосмысление опыта другого и телесность этого процесса – можно было видеть и на примере уподобления людей шаманам. Более того, интенсивность и выраженность данных особенностей влияла на символический капитал человека и, следовательно, властный ресурс. Чем менее механистическими были действия человека, чем больше он вносил личной и телесной вовлеченности в процесс подражания, тем глубже он понимал «копируемое», тем глубже и шире становились его знания об этом мире и выше символический капитал.

Анализ ритуальной жизни семьи также показал, что структуры власти были вписаны в структуру ритуалов. Пространственное расположение, действия, жесты, движения всех участников того или иного обряда отражали и конституировали распределение власти в коллективе. Таким образом, ритуалы выражали различия властного ресурса участвующих в них людей. Они заставляли их верить в неизменность и справедливость отношений власти и поддерживали иллюзию естественности существующего социального порядка.

В **Главе IV «Властные отношения и государство»** осмысляется значение присутствия государства в жизни локального сообщества для приобретения и реализации людьми власти. В **§ 4.1 «Коренное население Чукотки в составе Российской империи в контексте властных отношений»** анализируются описания различных путешественников, чиновников, миссионеров досоветского периода.

Российские власти, осуществляя действия, направленные на приведение чукчей в подданство, так и не достигли окончательно своей цели: чукчи не стали исправными налогоплательщиками ясака, не перестали торговать с американцами, не уверовали во Христа. Встает вопрос: почему действия государственной власти приводили не совсем к тому, чего эта власть ожидала? Причиной данного феномена был «способ использования» или «процедуры потребления» коренным населением навязываемого порядка.³⁰ Чукчи не отвергали и не меняли его, но подрывали его изнутри. В этой связи предметом анализа были сделаны «процедуры потребления» чукчами порядков, внедряемых российским государством.

Приведенный материал показывает, что чукчи в конце XVIII – начале XX века охотно и даже с большим желанием шли на контакт с русскими. Ими двигало и любопытство, и экономический интерес, и понимание неизбежности такого соседства. В то же время навязываемые сильным соседом правила часто не устраивали местных жителей. В XIX в. сопротивление чукчей государству в основном осуществлялось ни военными действиями

³⁰ Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб, 2013. С. 41.

(как это происходило в XVII-XVIII вв.), ни уходом от влияния государства всевозможными средствами, наподобие тех, что были описаны Дж. Скоттом,³¹ а через активное участие во взаимодействии с государственными людьми. Чукчи «избирательно использовали различные элементы русской цивилизации».³² Диалог с государством, а именно с его отдельными представителями – русскими людьми, позволял чукчам использовать новые реалии в своих интересах, в частности накопления разных видов капитала: экономического (например, получение подарков), культурного (например, овладение русским языком или даже грамотностью), социального (например, налаживание дружеских связей с русскими), символического (например, получение медалей, грамот, кафтанов и проч.).

В § 4.2 «Особенности отношений государства и коренного населения Чукотки: пример изобретения чукотской письменности в 1920-е гг.» государственное влияние на властные отношения в локальном сообществе выявляется через микроисторический анализ создания письма чукчей по имени Тыневиль. Обращение к биографии Тыневилья, а также другим примерам возникновения письменностей среди коренных народов Сибири, позволяет увидеть в миниатюре более широкие тенденции своего времени: взаимоотношения чукчей (и других коренных народов Севера) с советской властью в 1920-1930-е гг.

Анализ собранных материалов показал, что изобретение письма имело не только практическое и эмоциональное значение для Тыневилья, но и идеологическое. Он, создавая изящные значки, опирался на свой культурный опыт, традиционные знания и представления. Но при этом, будучи человеком своего времени, Тыневиль реагировал на те социальные изменения, которыми была отмечена первая половина XX столетия. Его письмо стало «ответом» на специфические исторические условия, сложившиеся на Чукотке в начале XX в., когда происходила экспансия русской/советской культуры в рамках политики советизации коренного населения. Создавая письмо, он намеренно уподоблялся русским людям.

Однако письмо не было простым копированием, одного из маркеров другой культуры, приспособлением к внешнему миру, то есть мимикрией. В таком случае Тыневиль просто выучился бы алфавитному письму – кириллице. Тыневиль пошел особым путем: подражая чужому письму, он создал свое собственное и противопоставил последнее первому.

Таким образом, случай Тыневилья стоит рассматривать не как простое механистическое уподобление, а как способ переосмысления других и себя через творческие подражательные действия, то есть мимезис. В результате, стратегия творческого подражания и од-

³¹ Scott J. The art...

³² Znamenski A. Vague Sense... P. 29.

современно с этим противопоставления себя русским открыла Тыневиллю возможность социального роста. Об этом говорит его биография. Он был сиротой, бедным пастухом, рыболовом, охотником, постоянно голодал, но после изобретения письма стал бригадиром, уважаемым и знаменитым человеком, которого звали профессором.

Следует заключить, что изобретение письма Тыневилем – это средство политического сопротивления и приобретения власти. Этот путь изобретательства, с одной стороны, предстает в виде подражания колонизатору – государству, а с другой – является продолжением традиций, уходящих вглубь веков и связанных со знаково-изобразительной деятельностью коренных народов Северо-Восточной Сибири. Изобретенная письменность нужна была Тыневиллю, чтобы сохранить себя. Она являлась своего рода внутренним компромиссом, формой взаимодействия с действительностью, диалогом с новой властью – советским государством. Ведь письмо позволяло ему, без причинения ущерба для его статуса и даже с пользой для него, одновременно быть в лагере сторонников социалистического строительства, и в то же время противопоставить себя – чукчу – русским людям.

В § 4.3 «Особенности отношений государства и коренного населения Чукотки: колхоз «Тундровик»» развивается тема о взаимоотношениях чукчей с недавно установившейся советской властью. Особенности данного диалога раскрываются на примерах из повседневной жизни обитателей Амгуэмской тундры, членов колхоза «Тундровик», зафиксированной на страницах дневников В. Г. Кузнецовой.

Советская власть, в отличие от Российской империи с ее колониальной политикой, совершала целенаправленные, подчас насильственные действия, по комплексному изменению повседневной жизни людей, что не могло не вызывать протесты. Тем не менее, сопротивление чукчей нововведениям, как и прежде, происходило не только, и даже не столько, через уход от государства, его избегание или открытый конфликт, сколько через способ использования внедрявшихся правил, то есть диалог с государством, и шире, диалог двух культур.

Данный диалог представлял собой стратегию, целью которой было получение определенных ресурсов для реализации личных жизненных планов. В этом диалоге были как «поражения», так и «победы» для чукчей. Однако, в любом случае, чукчи предстают не как пассивные объекты, к которым пришла советская власть и навязала им новый, «не традиционный», чуждый им стиль жизни, и не как фанатичные борцы, готовые умереть за верность традиции. Они жили и действовали в конкретных ситуациях в соответствии с их личными интересами и жизненными задачами, и обладали агентивностью. Своими действиями и решениями они сами создавали свои биографии и судьбы.

Итак, вывод, сделанный в двух предыдущих разделах четвертой главы, об инструментальном и ситуативном использовании государственных порядков чукчами в своих интересах, в частности, с целью приобретения власти, наращивания своего авторитета, подтверждается и материалами из дневников В. Г. Кузнецовой.

В «**Заключении**» подводятся основные итоги исследования:

Властные отношения пронизывали различные сферы и явления социальной жизни оленных чукчей. Конкретные проявления власти заключались в том, что одни акторы влияли на агентивность других, структурировали их действия. Например, выполнение различных работ, время отдыха, потребление тех или иных блюд человеком, его пространственное нахождение, телесные ощущения нередко определялись волей другого индивида.

Однако, несмотря на наличие определенных тенденций в каждой семье и стойбище в определенный временной период, властный ресурс не был закреплен за субъектом. Распределение власти между людьми в коллективе постоянно переопределялось контекстом конкретной ситуации. Специфика властных отношений в стойбищах оленных чукчей заключалась в их пластичности. Люди имели возможность влиять на свой властный ресурс.

В диссертационном исследовании был выделен ряд стратегий, позволявших человеку приобрести власть. Во-первых, знания и умения в хозяйственной сфере, их качество и успех применения на практике непосредственно влияли на авторитет человека в обществе. Овладение данными навыками увеличивало его экономический и символический капиталы.

Во-вторых, родственные отношения также могли использоваться в качестве властного ресурса. Каждый человек стремился расширить круг своих родственных связей, так как они представляли собой социальный и символический капиталы. Вместе с тем, выбирая одних людей в качестве родственников и пренебрегая другими, человек действовал в соответствии со своими целями и задачами в конкретной жизненной ситуации.

В-третьих, приобретение ритуальной компетентности индивидом приводило к росту его авторитета. Процесс ее аккумулирования происходил миметически. Подражая сильным шаманам, семейным ритуальным лидерам, или, например, другому полу, человек обогащал свои знания о мире и существах его населяющих. Чем больше было творческой составляющей и телесной вовлеченности в процессе уподобления, тем интенсивнее происходило приобретение ритуального знания, и следовательно, более ценным и значимым становился опыт подражателя. Такое уподобление являлось одним из возможных путей к лидерству.

Наконец, еще одним ресурсом власти были отношения чукчей с представителями государства. Установление дружеских отношений с русскими, американцами, европейцами, принятие от них подарков и наград, уплата ясака, а затем налогов, крещение, вступление в колхоз и партию, обучение русскому или американскому языкам, приобретение грамотности, и даже изобретение письменности – все эти действия – позволяли чукчам накапливать культурный, социальный, экономический и символический капиталы, то есть приобретать власть.

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных высшей аттестационной комиссией:

1. Давыдова Е. А. Письмена Тыневиля: Микроисторический анализ одного изобретения // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 171-206.
2. Давыдова Е. А. Полевые дневники В. Г. Кузнецовой как этнографический источник // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, искусствоведение: Научный журнал. 2015. № 15. С. 160-167.
3. Давыдова Е. А. «Процедуры потребления» государственного порядка чукчами (по материалам конца XVIII – XIX вв.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 135-138.

Статьи и тезисы:

4. Верещака Е. А. Мягко-человеческое бытие: шаманы превращенного пола // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы I региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск, 2011. С. 264-267.
5. Верещака Е. А. Обмен женами в традиционной культуре чукчей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 14. С. 233-239.
6. Верещака Е. А. «Превращение пола» в культуре чукчей // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 324-334.
7. Верещака Е. А. Изобретение Тыневиля: история возникновения и функционирования письменности у чукчей в первой половине XX в. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: Программа и тезисы. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2014. С. 22-24.

8. Верещака Е. А. Письмена Тыневиля // Этнокультурные традиции в прошлом и настоящем: тезисы конференции. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 15-19.
9. Верещака Е. А. Традиция использования красного мухомора (По этнографическим материалам чукчей, коряков, ительменов) // Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермаловой). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 326-339.
10. Верещака Е. А. Дневники Варвары Григорьевны Кузнецовой: Специфика и современные интерпретации полевых записей советского этнографа // Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г. М., Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 388-389.
11. Верещака Е. А. Традиционная политическая культура оленных чукчей (по материалам В. Г. Кузнецовой, Амгуэмская тундра, Чукотка, 1948-1951 гг. // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22-24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов. СПб: ВФ СПбГУ, 2015. С. 471-472.

В печати:

12. Давыдова Е. А. «Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка): Стремление ухода в мир мертвых Тымнэнэнтына // Вестник археологии, антропологии и этнографии Евразии.
13. Давыдова Е. А., Давыдов В. Н. Проблема доместикации северного оленя на Чукотке по материалам В. Г. Богораза (к 150-летию со дня рождения) // Научное мнение.
14. Давыдова Е. А. «Товарищество по жене» у чукчей: пример создания родственности // Этнографическое обозрение.